

Глава 1

— Тише! Кто-то кричал...

— Я тоже слышала... — Она склонила голову набок, как всегда делала, прислушиваясь. С минуту оба молчали, и зыбкую тишину ночного московского двора нарушал только шум проезжавших за углом машин. Движение на этом перекрестке не стихало даже в самые глухие часы. Мужчина хотел было заговорить, но девушка уловила его движение, подняла палец и прижала его к губам. Еще одна машина проехала за углом, взвизгнули тормоза на перекрестке, и тут же снова зарычал мотор.

— Наверное, показалось. — Мужчине надоело выслушивать темноту. Он чиркнул зажигалкой и при ее свете взглянул на часы. — А может, это громко включили телевизор.

— Посмотри на окна, все спят, — шепотом возразила девушка, все еще продолжая прислушиваться. — Даже эти товарищи на третьем... Ну, правильно, сколько можно праздновать? Пятый час. Ты ведь меня проводишь до квартиры?

— Ну конечно, — с наигранной готовностью ответил тот, и Катя не сдержала ироничного смешка. В этот миг ей захотелось отказаться от услуг провожатого, но мысль, что в подъезде могут встретиться нетрезвые парни, посещавшие «нехорошую квартиру» на третьем этаже, превозмогла прилив задетой гордости.

— В последний раз, — сказала она, радуясь, что ее лицо прячет темнота. Катя чувствовала, что оно некрасиво искажено, но справиться со своими чувствами не могла. — Это будет вроде венка...

— То есть? — насторожился Сергей.

— На могилу принято носить венки. — Девушка спрятала в карманы куртки озябшие руки и поежилась, вздернув плечи. — А мы сегодня как-никак кое-что похоронили.

— Катя, я надеялся, что обойдется без сцен, — нервно проговорил он. — Мы же взрослые люди! Кажется, все обсудили, и ты сама согласилась, что...

— Так дальше нельзя, — докончила она, доставая ключи и выбирая магнитный от двери подъезда. — Я и не спорю, с этим надо было покончить. Я не думала, правда, что вот так, запросто... Я дороже ценила два года своей жизни!

— Катя, мне очень жаль... — начал тот, но девушка остановила его, резко обернувшись на пороге, придерживая приоткрытую железную дверь:

— Вот этой фразы ты мог бы не говорить! Тебе жаль, да?! А мне нет!

— Что бы я не сказал, все равно буду виноват, — обреченно ответил Сергей, входя за нею в подъезд. — Прошу тебя, не надо. Верь — не верь, а мне очень тяжело.

Лифт был отключен на ночь, и на седьмой этаж пришлось подниматься по лестнице. Катя шла впереди, быстро, не замечая пролетов, с горящим от гнева лицом, и потому даже не заметила на неосвещенной площадке фигуру возле мусоропровода. Она обернулась лишь, услышав сердитый возглас Сергея:

— Ноги подберите, дайте пройти!

— Я тебе сейчас так ноги подберу... — хрипло, с усилием ответила тень, делая попытку подняться и снова оседая на пол. — Стой, где стоишь... Дай только встать...

— Идем же, — поторопила она Сергея и, морщась, взгляделась в темноту. — А вы, как вас там, убирайтесь из подъезда! Сейчас милицию вызову! Достали!

— Я тебе вызову... — угрожающе просипела тень. — Смотри, я тебя еще повстречаю!

Она не ответила и пошла дальше. Сергей замылся на миг, но тут же нагнал ее. Когда Катя остановилась у двери своей квартиры и принялась искать на связке нужные ключи, пальцы у нее слегка дрожали.

— Где же... — Она нервно перебирала ключи и наугад пыталась отпереть замки. На площадке было темно, лампочка, ввинченная ею на днях, перегорела или была украдена. — Боже мой, что у нас за подъезд, каменный век, тьма, грязь, какие-то неандертальцы под ногами валяются! Я была недавно в гостях у подруги, так у них на площадках зеркала и картины висят...

Наконец ключ повернулся в замке, она нажала дверную ручку и вопросительно обернулась на своего спутника. Тот слегка отступил, словно испугавшись приглашения, которое могло последовать за этим движением.

— Мне пора, — торопливо произнес он.

— Да я и не предлагала зайти. — Теперь ей было по-настоящему нехорошо, в висках застучала кровь, кожу на лице закололи мелкие иголочки. Кате стало душно и невыносимо, до физической боли стыдно: «Все выглядит так, будто я за него цепляюсь!»

— А ты решил, что я предложу чашечку кофе? — срывающимся голосом выговорила она, борясь со спазмами, давящими горло. — С этого обычно начинают, а как заканчивают, я даже не знаю... Может, бутылкой, как этот тип на третьем этаже... Нет, я тебя не приглашаю, до работы всего ничего осталось. Приму ванну, проверю почту, попробую часок подремать... Мне не до тебя.

— Катя, ты просто золото, — тихо ответил он. — Другая на твоём месте устроила бы сцену, смешала меня

с грязью. Да что там, я сам себе противен... Прости, если можешь.

Она не ответила — прикусила рвущиеся наружу слова вместе с губами, так, что почувствовала резкую боль.

— И ведь я знаю, что мы с тобой могли быть так счастливы, как я никогда не буду с ней, но...

— Это нужно немедленно заканчивать, — оборвала его девушка, торопливо переступая порог, — все, все! Это бред, садизм, ты не имеешь права рассказывать мне, как мы могли быть счастливы! Убирайся, пошел вон отсюда! И ту кучу мусора на третьем с собой прихвати! Я сейчас вас обоих в милицию сдам!

Захлопнув дверь и прижавшись к ней изнутри спиной, Катя перевела дух и усилием воли прогнала проступившие было слезы. Света она включать не стала — не хотелось видеть свое лицо в висевшем напротив двери зеркале. В минуты неудач и поражений она избегала встречаться взглядом со своим отражением.

— Что я ему наговорила... — прошептала Катя, слушая тишину в квартире и за дверью. — Почему, зачем... Я должна была молча уйти... Одна.

От звука собственного тихого голоса ей вдруг стало страшно. Содрогнувшись, она отошла от двери, сняла куртку и наугад бросила ее на вешалку. Куртка зашуршала и повисла на крючке. Серое пятно зеркала (глаза начинали привыкать к темноте) смотрело строго и выжидающе. Стоит включить свет — и оттуда глянет бледное осунувшееся лицо, и она прочтет в своих глазах выражение, от которого возненавидит себя саму окончательно. «К тебе когда-нибудь на улице подходила потерявшаяся собака? — спросила ее как-то старая, беспощадная в оценках подруга. — Знаешь, как они смотрят, когда виляют хвостом, пытаются идти рядом? Когда тебе плохо, ты смотришь точно так же! Как думаешь, мужчина на такой взгляд клонет?! Им нравятся счастливые женщины, запо-

мни это! Пусть тебе ноги без наркоза ампутируют — улыбайся!»

«Карине легко критиковать, у нее всегда была одна проблема — как избавиться от лишних ухажеров! Они ей, видите ли, учиться и работать мешают! У нее сколько романов — столько и предложений руки и сердца. Если бы она хотела, то каждый раз выходила бы замуж. А я... Разве я виновата, что у меня ничего не получается?! Два года мы были вместе, он первый стал говорить о браке, первый — о детях, это он сам строил планы на будущее, я даже не помогала, боялась сглазить! Он тысячу раз говорил, что его брак — формальность, просил только дать время, чтобы жена привыкла к мысли о разводе, мол, хороший она человек, жалко ее травмировать... И вот сегодня — звонок на работу, ужин в ресторане, там он взгляд прятал, будто ложку украл, а на десерт заявил, что нам лучше расстаться, потому что он не может пожертвовать семьей. Я впервые услышала от него это слово — семья! Оказалось, что никакая это не формальность, а самая главная ценность в его жизни, так что он готов ради нее пожертвовать большой любовью. Что это за игра такая?! Зачем он мне внушал, что, по сути, одинок и ничем не связан?! Чтобы я не устраивала сцен? Чтобы любила крепче? Зачем он со мной так?»

Так и не включив света, Катя стянула сапоги, рывком освободилась от теплого свитера и, не сдержавшись, швырнула его прямо на пол. Ей хотелось разбить что-нибудь, закричать, устроить истерику — сделать хоть что-то, что разрушит эту оглушительную тишину, повисшую в темной квартире. Она босиком побежала в комнату, на ходу включила торшер и, благополучно избежав встречи с зеркальной дверцей старого шкафа, с ногами прыгнула на диван. Тот возмущенно закричал — это было расколотое, страдающее ревматизмом наследство, доставшееся Кате от бабушки, покойной обитательницы квартиры. Переехав сюда несколько лет назад, девушка

так и не собралась ни сделать толком ремонт, ни сменить мебель. Переделкам подверглись только ванная комната и кухня — в остальном здесь царили пятидесятые годы прошлого века.

В первое время после переезда эта обстановка раздражала Катю, но со временем она привыкла к старым вещам и даже привязалась к ним. У этой мебели был такой смущенный, закомплексованный вид, что она выглядела почти одушевленной. «Мы совсем немодные, нами больше нельзя гордиться, мы и сами это знаем... — казалось, говорили диван, шкаф и буфет. — Но зато мы помним тебя такой маленькой девочкой, что ты даже не дотягивалась до верхних полок шкафа, не умела открывать ключиком буфет, чтобы достать конфеты, а когда прыгала на диване, пружины под твоей тяжестью даже не скрипели! Мы все помним! Если ты выбросишь нас на свалку, вместе с нами ты выбросишь и ту маленькую девочку!»

— А может, и надо все это выбросить, поменять, — пробормотала девушка, обводя взглядом стены. — Может, жизнь стронется с мертвой точки, а то я будто в лесу заблудилась — кружу, кружу, и выхожу все к этому скрипучему дивану.

Она взглянула на часы. Стрелки показывали пять утра, глухой час, когда не спят только самые счастливые люди и самые несчастные. Позвонить в такое время невозможно даже самому близкому человеку, разве что случилось серьезное несчастье. «Это к лучшему, — вздохнула Катя, отводя взгляд от телефона. — Может, я справлюсь и вообще никому ничего не расскажу. Родителям жаловаться? Коллегам? Карине? Нет, даже ей не стоит. В тридцать лет без малого пора привыкнуть, что тебя бросают».

В последнее время Катя все чаще напоминала себе об этой дате, хотя ей исполнилось только двадцать восемь. Тридцать лет — это был рубеж, которого она ждала с тревогой и неверием в свои силы, опасаясь, что эта цифра

выставит ей счет, по которому невозможно будет заплатить. Тридцать — значит, игра пошла всерьез, и скидок на юность и неопытность уже не будет. Тридцать — возраст, когда пора хвастаться если не карьерными успехами, то семейным счастьем, а лучше и тем, и другим. Это возраст, когда даже самое инфантильное дитя начинает осознавать, что одной любовью к родителям его сердце сыто не будет. Тридцатилетнюю одинокую женщину начинают жалеть замужние подруги, она уже задерживает взгляд на чужих детях, пытаясь подавить смутный страх перед будущим, где, может быть, ее некому будет любить. Пока это лишь предчувствие, которое можно не воспринимать всерьез, но людям счастливым оно незнакомо.

«Нет, как я могу все это рассказать Карине? Она счастлива одна, ей никто не нужен. У нее и мыслей таких не бывает, я уверена». Девушка сунула под щеку облезлую кожаную диванную подушку и улеглась, свернувшись калачиком. Хотелось расплакаться, но Катя запретила себе это — она бы весь день проходила с опухшими красными глазами, и все, кому не лень, спрашивали бы ее, что стряслось. «Только не сегодня, — уговаривала она себя. — Завтра выходной, вот вечером придешь с работы и рыдай, сколько душе угодно. А пока самое лучшее — немножко поспать».

Но эта благоразумная мысль была совершенно бесполезна, как зачастую бывают бесполезны благоразумные советы. Заснуть в таком состоянии Катя не смогла бы, даже приняв успокоительное. Обычно ее клонило в сон от алкоголя, но шампанское, выпитое в ресторане, давно выветрилось — девушка протрезвела сразу, услышав ошеломляющую новость. «На кухне в холодильнике стоит какое-то вино, но не могу же я напиться, мне на работу, — в отчаянии думала она, ворочаясь на диване. — Пять утра, что делать, как отвлечься?! Не стиркой же заниматься, в самом деле!»

В этот миг она страшно жалела, что так и не завела кошки. Катя сделала такую попытку незадолго до того, как познакомилась с Сергеем. Крошечный серый котенок породы русская голубая был куплен ею на кошачьей выставке, куда она зашла просто от нечего делать, гуляя по ВВЦ. Катя жила неподалеку от метро «ВДНХ», и территория выставки была для нее привычным местом прогулок. Котенок был куплен стихийно, лукавая продавщица буквально заставила девушку взять его в руки, после чего восхитилась:

— А знаете, вы с этой кошечкой очень похожи! Прямо одно выражение лица! Сразу видно, она вас дожидалась!

Сама Катя находила, что роднит ее с кошечкой только цвет глаз — янтарно-карий, но поддалась искушению и приобрела себе друга. Санди — так она назвала кошечку в честь дня недели, когда та была куплена, прожила у нее две недели. Ровно столько потребовалось Кате и Сергею, чтобы познакомиться, начать встречаться на нейтральной территории и, в конце концов, решить, что для следующего свидания свидетели им не нужны. Однако, едва переступив порог Катиной квартиры, ее новый знакомый попятился, заметно изменившись в лице.

— У тебя кошка? — сдавленно спросил он.

— А что случилось? — испугалась девушка. Санди даже не вышла на звук открывающейся двери — кошечка оказалась ленивой и большую часть времени спала, растянувшись на диванной подушке.

— Прости, я не могу войти. — Сергей пытался улыбаться, но было видно, как он обескуражен. — У меня аллергия на кошачью шерсть.

Свидание спешно перенесли на свежий воздух, а поздно вечером, вернувшись домой, Катя обзвонила подруг и пристроила Санди в хорошие руки. Она сделала это, ничуть не усомнившись в своей правоте. Кошка жила у нее недавно, Катя не успела толком к ней привязаться,

к тому же все ее существо было поглощено новым романом, который только-только подходил к самой захватывающей стадии. Кошка исчезла, квартира была тщательно прибрана, и тем не менее во время своего первого визита Сергей глотал антигистаминные препараты и говорил простуженным севшим голосом. Катя извинялась перед ним, словно впрямь была в чем-то виновата, и ругала хитрую даму с выставки, навязавшую ей котенка. Все это было два года назад, роман только начинался, и тогда девушка совсем не заботилась о грядущем тридцатилетнем рубеже, просто ей очень нравился новый знакомый.

«Кошка не бросила бы меня, — жалобно подумала Катя, ворочаясь и не находя себе места. — Она бы поняла, как мне плохо! Если бы я могла сейчас обнять Санди, послушать ее песенку, пожаловаться! Нет, я не выдержу, не смогу молчать, сегодня же всем расскажу... Пусть жалеют, пусть читают мораль, объясняют, что я делала не так... Только бы не эта тишина — она меня с ума сведет!»

И словно в ответ на ее мысли предрассветное безмолвие спящего дома нарушилось. Катя услышала, как где-то неподалеку с натужным визгом распахнулась балконная дверь, раздались громкие возбужденные голоса — несколько человек вышли на балкон и заговорили разом, не слушая друг друга. Из этой какофонии вдруг выделился и на миг все заглушил короткий женский вопль, похожий на крик испуганной птицы. Его тут же оборвал глухой сильный удар, после которого наступила тишина. Катя села, склонив голову и прислушиваясь. Голоса на миг смолкли, но тут же зазвучали с удвоенной громкостью. Теперь она различала даже отдельные фразы.

— Беги вниз! — во весь голос крикнула женщина. — Ах, дура, дура!

— А ты стоишь и смотришь?! — истерично подхватил другой женский голос. — Скорее, ну!

— Куда это я побегу? — огрызнулся мужчина. — Идите вы все...

И снова хлопнула дверь — так, что в Катином окне звякнуло неплотно пригнанное стекло. Она уже стояла у балконной двери, прислушиваясь и не решаясь выйти. «Там какой-то скандал, если высунуть, это будет выглядеть, будто я подслушиваю. Но в конце концов, пять утра, а они так раскричались, что я имею право возмутиться... Ну вот, не унимаются, опять орут! Это совсем рядом!»

Катя набросила на плечи вязаную шаль и выглянула наружу. Ее предположения оправдались — на соседнем балконе она увидела двух женщин, одетых более чем легко для промозглого октябрьского утра. На одной, совсем юной, была майка с короткими рукавами, другая, постарше, придерживала на груди расходящиеся полы халата. Обеих она знала в лицо, как-то обменялась с той и другой несколькими фразами, но и только — они жили в другом подъезде, и Катя редко с ними сталкивалась.

— Что делать будем, мам? — все так же истерично выкрикнула молодая девушка. Она едва взглянула на Катю, вид у нее был возбужденный и полубезумный. Вряд ли она вообще заметила, что на соседний балкон кто-то вышел. — Мама?!

— Лови его, пока не ушел! — приказала женщина в халате, отворив балконную дверь. — Да беги же, не спи! А вам что нужно?! — Она вдруг обнаружила в нескольких метрах от себя соседку. Неприветливо прищуренные глаза так и оцарапали Катю — из каждого зрачка словно торчало по булавке.

— Можно потише? — сдержанно спросила та. Не ответив ни слова, женщины скрылись в квартире. Оттуда снова понеслись крики, правда, слегка заглушенные.

«До сих пор за стеной вроде не шумели. — Катя плотнее закуталась в шаль и вдохнула сырой холодный воздух. Он тут же застрял в горле — у девушки появилось ощущение,

словно она проглотила комок влажной ваты. — Там нормальная семья, мать и две дочери, у них еще маленькая собачка, левретка. Вечно гуляет в смешных таких свитерах и дрожит, будто с похмелья. Ну, если и эти начали буяннить, точно придется квартиру менять. Мало мне притона на третьем!»

То ли скандал разбудил обитателей двора, то ли просто начали просыпаться те, кому пора было на работу — в окнах стали зажигаться огни. Но странно было не это. Окинув взглядом дома, окружавшие двор, Катя заметила на нескольких балконах людей. Спустя полминуты их стало в два раза больше — возникало впечатление, будто что-то выманило их в холод и сырость из теплых постелей. Многие были в халатах, кто-то, как и Катя, кутался в наспех накинутое тряпье, и все, как один, смотрели вниз. Озадаченная девушка последовала их примеру.

«Что там такое? Проверяют, на месте ли их машины? Почему просто в окно не выглянуть, холодно же?..»

— Вы не туда смотрите, — раздавшийся рядом голос заставил ее вздрогнуть. — Во-он туда глядите, слева от фонаря. Нет, от вас, наверное, плохо видно, дерево мешает!

К ней обращался парень, который незаметно вышел на балкон этажом ниже. Они с Катей здоровались, если случилось вместе ехать в лифте, и как-то раз он принес ей письмо, по ошибке брошенное в его почтовый ящик. Девушка кивнула ему в ответ, перегнувшись через перила:

— Доброе утро. А что там, если не секрет?

— Да девчонка какая-то с балкона выбросилась, — просто ответил тот. — Разве не слышали, как тут орали? Лично я проснулся.

— Как?! — Она схватилась за мокрые перила и нагнулась еще сильнее, пытаясь что-нибудь различить в утренних сумерках. Разросшийся тополь скрывал от нее ту часть двора, куда указывал сосед. — А что же все стоят, смотрят?! Может, она жива?!